

Мерроу Маршметт

Расстояние
сближает

Мерроу Маринетт

Расстояние сближает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73198593

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы задумывались когда-либо о том, что за человек сидит на другом конце монитора? Нет? Вот и я так же, пока спустя год не познакомилась с замечательным для меня человеком. Все же, я надеюсь, что и она думает точно так же...

Небольшой сборник размышлений / писем / поэзии / стихов.

Содержание

↔ История нулевая.	4
↔ История первая.	5
↔ История вторая.	8
↔ История третья.	11
↔ История четвертая.	13
↔ История пятая.	15
↔ История шестая.	17
↔ История седьмая.	19
↔ История восьмая.	20
↔ История девятая.	22
↔ История десятая.	24
↔ История одиннадцатая.	26
↔ История двенадцатая.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мерроу Маринетт

Расстояние сближает

↔ История нулевая.

Не путай любовь виртуальную с реальной.

В виртуальной ты можешь общаться – пусть даже поверхностно.

В реальной же я сама положила конец.

Ты думаешь, я о нём не вспоминаю?

Что забыла?

Он приходит ко мне во снах – именно таким, каким я хотела бы его видеть.

И что с того? Разве на этом нужно ставить крест?

Я – нет. Но решать тебе.

Если ты так же уйдёшь, вопреки всем своим словам, – я не стану удерживать.

Но я буду в тебе разочарована.

Потому что успела привязаться.

К человеку по ту сторону экрана.

Ты должен был это заметить.

↔ История первая.

Странно. Мне вдруг резко стало очень грустно. Сломались домашние наушники. Открыла шкафчик, чтобы достать новые. Увидела конверт. Один большой конверт. В этом клочке бумаги я сохраняю все письма. Захотелось вновь все перечитать. Год прошел с тех пор, как я получила первое в своей жизни письмо. Перечитала сначала письма Судзо. Только сейчас поняла, что если бы мы жили в одной стране, я получала бы ровно столько же писем от тебя, сколько от него. Он мне тогда присылал на Новый год, на 14 февраля, на 8 марта, на годовщину знакомства, на день рождения... И в этом году та же история. Пока перечитывала, перед глазами вставали все моменты того года. Как-то даже мрачно стало... Потом принялась за твои. Божечки, так мало времени прошло с прошлого твоего письма – полгода, – а я столько о тебе узнала. Даже сравнивала невольно... И все же многое я до сих пор не знаю. Но со временем, постепенно, я ещё многое узнаю. Только прежде избавлю тебя от этого назойливого облака одиночества, которое вьется в твоей душе. Сижу, вторые сутки раздумываю, где мне сэкономить, чтобы и Судзо посылку на день рождения отправить, и тебе. Выто с ним близко по датам. А мне хочется обоим сделать прекрасные подарки. Хотя тебе я уже придумала. :) Внутренний еврей мой, конечно, счастлив.

Хех, знаешь. В последнее время я что-то размечталась. Думала, как было бы шикарно поступить. Но... Боюсь. Боюсь, что заявка не пройдет, что потом не пройду, что не смогу выжить в чужой для меня стране, если все получится. Но все чаще и чаще понимаю, как я хочу жить одна. Не прятаться под одеялом со страхом, что увидят меня, сидящую в телефоне в 2 часа ночи. Мне многое хочется рассказать, но мне и тяжело это сказать. Много о себе. Но знаешь... Я начала понимать, что ты – надёжный человек. Не то чтобы я раньше этого не знала. Знала. И не зря же раскрылась тебе после двух месяцев общения. Мне было тяжело поверить. В глубине души тот страх, который не давал доверять... Но я его не скрываю. Может, поэтому легче. Может, поэтому он исчезает. Не знаю. Или просто я взрослею. Нет, не думай, что мой страх потерять тебя пропал. Пф. Пока мы дружим, он не пропадет. Хотя для меня общение с тобой стало таким же естественным, как то, что я просыпаюсь по утрам, дышу и т.д. Ты просто так красивенько въехала в мою жизнь, так там и оставайся. А вот я нагло ворвалась в твою. С криком: «Пошумим!»

Я чувствую, что с тобой что-то не так. Просто чувствую. Я понимаю, что в моей жизни есть два человека, которым я доверяю: одна младше, а вторая старше, только я этого не ощущаю.

Знаешь, что бы там с тобой ни было, что бы ты ни переживала, ни чувствовала, что бы там ни происходило в твоей

душе, знай: я всегда рядом. Скоро реально палочку подставлю. Стальную.

Не знаю, что со мной. Потянуло выговориться. Вдруг. Резко. Бывает.

↔ История вторая.

– Привет.

– Привет...

Неловкое такое. Оно и понятно. Те, кто на расстоянии, всегда чувствуют себя совершенно странно, когда голос, такой непривычно близкий, но такой далёкий, раздаётся в трубке. В этот момент, казалось, застывает даже время. Скажи, а что было бы, если бы я так позвонила: неловкий звонок на бесплатные минуты, четыре или пять гудков и звук поднятия трубки.

– У нас всего полчаса. Но мы можем болтать часами. Ни о чем, но обо всем, – прозвучит тихий, несмелый голос.

Знаешь, совсем недавно ты вновь взяла телефон в руки. Такой яркий и частый пользователь компьютера, а о телефонах так мало знаешь. Хотя твоих знаний хватает, чтобы я чувствовала себя лучше. Иногда мне кажется, что я могу не говорить: «Отпишешься, когда будешь дома». Ведь... Ты это и так знаешь. Но все равно я это напишу, наберу по буквам эти слова. Ведь я вечный Хатико. Потом, чуть погода, ближе к вечеру, пока я все ещё кручусь в своем колесе, как белка, получаю твое СМС. Иногда просто короткое, иногда с описанием, но... Я точно знаю, где ты, пусть иногда и нет средств, чтобы ответить.

И вновь несмелое «привет». Каждый месяц. И вновь это

ощущение. Но что это за чувство? Словно... Словно выйди я во двор, скажи тебе «выйди на улицу», и мы встретимся. Такая магия обыкновенного звонка. Но проходит пару минут. Пара минут осознания происходящего. И понимание, что ничто не изменилось. И ты улыбаешься. Так... непринужденно, весело, словно ситуация тебя слегка забавляет. Но не только. Это добрая улыбка. Понимание того, что произошло. Понимание того, что происходит в душе. Понимание желания увидеть, обнять, прижать к себе. Сказать: «Хэй, ты больше не одинока. Я тут. Рядом. Вот она я».

А помнишь вечер..? А помнишь вечера..? Хотя, чего это я. Конечно, помнишь. Что неудивительно. Наши вечера похожи на нечто странное. То мы сходим с ума, возвращаясь в прекрасные мгновения поведения ребенка. То начинаем терять контроль, прогибаясь под тяжестью проблем реальности нашей. Хотя все равно всё сводится к шуткам. Или вечер воспоминаний. Больше всего люблю эти вечера. В такие дни мне кажется, что мы... мы становимся ближе друг к другу. Узнаем друг друга лучше. Приоткрываем очередную завесу тайны в наших душах. Я очень люблю слушать твои рассказы. Тебе действительно стоит написать книгу о них. Хоть это и не выдуманный рассказ... Я понимаю, как тебе больно вспоминать некоторые из них. Они засели прочно в твоей душе. И где-то там ещё живёт ребенок, который прятался под одеялом, ожидая, что мама образумится и придет, обнимет, согреет теплом своей любви холод, который вокруг со-

брался. Но знаешь... Постепенно, не сразу, постепенно этот ребенок в тебе становится увереннее. И исчезает весь этот страх. Всякий раз, когда ты вновь вспоминаешь что-то, всякий раз, когда ты достаешь из глубины души страх за страхом, именно в эти моменты потихоньку растворяется этот ребенок – причина твоего одиночества, грусти, печали, страха. И сейчас я почему-то вспоминаю тебя, когда ты только пришла. И время до марта. Сидела тихо-тихо, как мышка. В ТД. Но с того момента, как мы начали общаться, в тебе изменилось это. Мышка? Да какая там мышка! Ты стала более... открыта людям, что ли. Более социальная в ТД. Казалось бы, просто кто-то снова зажёг погасший фитиль. И воссияла. Таким тепленьким огоньком. Знаешь, почему-то сейчас, когда думаю об этом, ты мне стала напоминать богиню Гестию. Хранительницу домашнего очага. Есть в тебе что-то такое. Я даже не знаю, почему пишу это. То ли захотелось выговориться, то ли просто душа требует творчества, то ли ещё что... Даже не знаю. Но где-то уже чувствую твою улыбку, пусть и пишу это ночью.

Что с людьми делает уныние и жизнь без интернета.

↔ История третья.

Когда ты найдёшь это письмо, возможно, меня уже не будет рядом. Но всё же...

Ты знаешь, я была так счастлива, когда впервые взяла тебя на руки. Счастлива уже от одной мысли, что ты у меня есть.

Ты была такая маленькая и крохотная. Казалось, тебя можно сломать одним неосторожным прикосновением. Но даже тогда ты была удивительно серьёзной малышкой, так похожей на отца...

Я была в отчаянии. В полном отчаянии оттого, что осталась в этом мире одна. Ведь человека, которого я безумно любила, человека, бывшего частью моего мира и моей жизни, – не было с нами.

Да, понимаю, как это жестоко.

Он всегда был одинок. Ты знаешь, глядя в его глаза, я всегда видела грусть. Но так и не смогла понять её причину.

Я же видела мир другими глазами. Я до безумия любила его! Я любила солнце и его лучи, любила ветер, любила бегать босиком по траве. Любила просто жить! И даже тогда твой отец не выходил у меня из головы. Я искала встречи с ним, мечтала хоть мельком увидеться, поговорить...

С самого раннего детства он всегда оберегал меня. Где бы я ни была, как бы ни испугалась – он всегда находил меня, спасал и успокаивал. Он всегда был рядом.

Поэтому, когда он вернётся, побудь с ним как можно дольше. Вместо меня. Пожалуйста...

↔ История четвертая.

Любовь. Поток вечно соприкасающихся и расходящихся людей с печальными глазами. Мне безумно трудно поверить в то, что самое сильное из существующих чувств – самое недолговечное. Осознание пришло ко мне давно, без огорчения. Но каждый раз, вступая на путь новой любви, я закрываю глаза, мысленно пишу и стираю два вопроса, ответа на которые не знает никто: «Как долго?», «Как скоро?».

Думаю только о нём – становится легче. Состав любви – мгновения, исключения, грусть светлых оттенков. И как бы человечество ни пыталось изменить или дополнить её содержание, рано или поздно любовь непременно вырождается снова в одиночество, которое, к слову говоря, делит нашу жизнь на отрезки ожидания самого счастливого праздника из праздников. Любви...

В каком-то из эпизодов внутреннего отчаяния я уже перестала верить в то, что одиночеству придёт конец. Ну, не в контексте логического завершения жизни, а в более узком, так сказать, задолго до смерти. Я перебирала рубиновые бусинки допустимых крайностей, реанимировала сердце надеждами, вылавливала в дыхании утра аромат булочек из ближайшей кондитерской, вдыхала ментоловый дым сигарет под носом у московских непогод и продолжала плакать слепыми слезами.

Завидовала тем, кто может отогреться в объятиях одно-разовых отношений, спать в одежде по десять часов в сут-ки, инертно поглощать джанк-фуд без мыслей о зловредном холестерине, выбирать красивую картинку и с лёгкостью от-казываться от душевности. Я не подавляла своих отчаянных тревог, просто не говорила о них. Все хотят и ждут любви, но если все будут кричать об этом, то любовь, из страха быть растерзанной, попросту унесёт ноги. Да и не достанется лю-бовь всем жителям дома одновременно – это же не горячая вода или отопление. Если она к кому-то приходит, значит, от кого-то она уходит. Вечный круговорот человеческих по-терь и находок...

Придя ко мне, он расстался с той, которая его любила, но которую разлюбил он. Я знала об этом, но не расспра-шивала в подробностях. Я как конченная эгоистка ухватила за хвост воздушного змея мечты, взлетела в припудренное снегом небо, застыла там в невесомости поцелуев, не желая опускаться на землю. Но в чём моя вина? В любви мы слеп-нем ровно наполовину. Перестаём видеть изнанки, оборот-ные стороны...

Всё, теперь я спать.

↔ История пятая.

А, черт. Это вошло в привычку. Хах. словно ночной рассказ о том, что давит на душу, о своих заключениях и переживаниях.

Знаешь, я живу в постоянном круговороте событий, совершенно не вникая в происходящее. Но сегодня, просто что-то делая и раздумывая о планах, я вновь поняла, что завтра – пятница. Не так давно, буквально во вторник, мои знакомые обсуждали, как сильно хотят выходные, вечер пятницы. Я лишь смотрела на них с такой улыбкой... И даже громко и четко сказала, что ненавижу выходные и вечер пятницы. Боже, видела бы ты их взгляд. словно я с луны свалилась и рассказала им, что инопланетяне существуют. Взгляд был бы такой же.

– Так какие дни ты любишь? – спросили они меня.

Знаешь, с небольшой гордостью и лёгкой, теплой улыбкой я им сказала:– Понедельники, вторники, среды, четверги. Первую половину пятниц.

Нет, у меня реально было ощущение, словно я с неба свалилась. Но мне плевать, слишком я привыкла к подобному.

Я знаю, что ты относительно любишь выходные. Особенно тогда, когда неделя перегружена. Ведь там... там нет того, что треплет тебе нервы, портит настроение. Там ты можешь привести себя в порядок и подготовиться к новому. Но я уже

чуть привыкла. Хотя, кому я вру? Я к этому не привыкну. Однако... хоть мы и общаемся в будни, я все равно безумно скучаю.

P.S. Твой вечный Хатико.

↔ История шестая.

Вот уже несколько вечеров мы с тобой не можем спокойно поговорить: каждый из этих вечеров переполнен грустью, болью, страхом будущего и опасениями. Пусть мы и стараемся скрыть всё за шутками, но... Чем ближе одна дата, тем напряжённей. Ожидание...

Мы всегда ждём чего-то радостного, интересного, захватывающего, загадочного. Но то, что ждём мы с тобой, – облегчение. И никто не знает, сможем ли мы всё-таки встретиться или этому не суждено быть...

Знаешь, я с нетерпением жду Нового спокойного года. Времени, когда всё может наладиться, улучшиться. Но где-то в глубине души понимаю, что лишь обманываю себя. Ничто не улучшится так сразу. Да и с этими годами я на это не надеюсь.

У меня есть мечта. Ты знаешь. Кто знает, может, наши планы смогут реализоваться. Но... Есть страх.

Я боюсь однажды проснуться и услышать, что всё – конец мирной жизни в моей области. Боюсь стать одной из людей, которых просто использовали во имя чужой выгоды, чтобы потом в новостях рассказывали байки из склепа. Боюсь потерять связь. Боюсь увидеть наяву то, что снилось давно. Просто боюсь. И этот страх сковывает. Хотя время задуматься об этом есть вечером.

Как бы я хотела, чтобы нас не разделяли сотни и тысячи километров, а лишь стена дома, дверь квартиры. Но в силу последних событий я даже рада, что ты далеко и тебя это не коснётся.

Не так давно перед моим внутренним взором явно появилась картинка: мы с тобой сидим на полу в гостиной и обсуждаем, как исправлять книгу, держа в руках карандаши и ручки, а по полу разбросаны многочисленные листы, исправленные нашими руками. Странно, это было так явно, хоть мы и не виделись. Кто его знает, что нас ждёт в ближайшее время. Нам ничего не остаётся, кроме как крутануть колесо фортуны и ждать.

↔ История седьмая.

Я ненавидел её. Всем своим нутром ненавидел её.

Когда всё это началось? Я уже точно не помню. Может, ещё в школе, а может быть, ещё при нашей первой встрече. Она меня раздражала своей болтливостью, своей наивностью.

Я ненавидел её настолько сильно, что порой мне даже хотелось её убить.

Я хотел, чтобы она исчезла...

Со временем я стал понимать, что мои чувства к ней – не что иное, как любовь. Я любил её. Девочку из моего детства. Теперь я понимал, что всё это время я хотел всего лишь прикоснуться к ней, взять её за руку и убежать далеко-далеко...

Но её сердце было уже занято другим.

Я презирал его.

Она не переставала щебетать о том, что он был её спасителем, что он самый хороший из всех, кого она когда-либо знала.

Я пытался мириться с её наивностью. Я всегда был с ней рядом. Я хотел всегда оставаться с ней рядом. Не важно, что в её жизни был другой мужчина, не важно, что она считала меня просто другом. Главное – чтобы она была счастлива...

↔ История восьмая.

Раньше я всегда... боялась новостей. Боялась смотреть их, боялась узнавать что-то, боялась, что объявят что-то плохое. Сейчас... сейчас всё наоборот. Точнее, не так. Я их не смотрю. Нет. Но иногда читаю. И удивляюсь. Чувствую себя существом, над которым ставят эксперименты. «Выживут? Ах, выживут. Ну тогда давайте сделаем немного по-другому». И всё заново.

Сейчас я мало чего боюсь. Или, если быть точнее, могу переносить всё со стойкостью и наглостью, присущими людям, живущим в моём городе. Но сейчас новости выводят из колеи мирной жизни. Говорят: «Это ничего не значит. Всё нормально. Просто так». Но разве была бы такая ситуация, будь всё нормально? Вряд ли.

Ты знаешь, я практически снов не вижу. Всегда просто темнота, будильник и вновь бешеный ритм. В детстве, бывало, боялась прошлого: войны, аварии на АЭС, смерти. Всё это заставляло меня, ребёнка, сворачиваться в клубочек под одеялом, пока никто не видел, и думать об этом. Потом было утро. Собственно, почти ничего не поменялось. Просто теперь не так реагирую. Да и не сворачиваюсь в клубок. Но кошмары сняты. И, странно, единственные мои кошмары – война. Не раз снились.

Вот, вроде, у нас ещё ничего не произошло. Да, военное

положение. Да, страшно. Но... мы верим в лучшее. Пугают перемены подобного типа. Пугает неизвестность. Шучу с одноклассницами, показываю им, что бояться нечего, обстановку немного улучшаю. У самой же... дурдом в голове, полно мыслей. Надеюсь, страхи в жизнь не воплотятся. А то они имеют привычку так поступать...

↔ История девятая.

Я видел сон. Заточенный во льду, я видел сладкий сон...

Я видел девочку с большими карими глазами, которая всегда улыбалась мне в ответ. Она смотрела на меня с такой любовью, что я был околдован...

Я видел сон...

Я не помнил её имени. Помнил только её руки, помнил нежность её прикосновений. А в минуты грусти она обнимала меня и шептала, что я хороший мальчик...

Я видел сон...

Моя девочка росла, но теперь я не мог разглядеть её лица. Но она всё так же была моим теплом и светом. Она была моим счастьем. Я хотел, чтобы это беззаботное время длилось вечно, но...

Я любил её безумно. Не важно, что я говорил. Я до сих пор её люблю...

Я не вспомню её имени. Прошло немало времени, но она живёт где-то во мне. Если можно было бы вернуть её к жизни моими воспоминаниями, я не мешкая так бы и поступил. И, наверное, боль в груди ушла бы вместе с грустью. Но я чувствую, что тогда она бы разозлилась...

А кто она? Я помню лишь силуэт на поле боя. Кровь и слезы. Много слез. И больше половины – обо мне...

Я видел сон...

Если бы это было возможным, я хотел бы увидеть её улыбку вновь, почувствовать её прикосновения и услышать лишь одно – что для неё я всё ещё хороший мальчик. Даже если запятнаны мои руки кровью, даже если проклята моя судьба...

Заточенный во льду, я видел сладкий сон...

↔ История десятая.

Ох, что-то меня снова потянуло что-то рассказать. Ты сегодня полезла в свои старые рассказы, достала из старого ящика недописанные произведения, которые могут стать шедеврами, если сейчас их чуть дополнить. Ведь имея опыт, хоть и небольшой, ты сможешь их сделать великими, постепенно набивая руку.

И в этот момент я вспомнила, что, будучи мелкой, писала тоже много чего. Только руки не доходят поисправлять.

Знаешь, сейчас листала старую тетрадь и нашла детский рассказик. Вроде, это было произведение в школу, не помню. Но сколько я его ни перечитывала, всё задумывалась. Меня воспитали в любви к своей стране, своему языку. «Люди, які мешкають на вишневій Україні, відрізняються своєю відкритою, щирою душею.» (Люди, которые живут на вишневой Украине, отличаются своей открытой, искренней душой.) Писала я подобное. Класс четвертый, если не ошибаюсь. «На нашій землі усе благословенне... З цього можна побачити, що Україна – велика, гарна, мальовнича, незалежна держава. І люди, які там живуть, пишаються своїм українським походженням, вшановують давні українські традиції та закони.» (На нашей земле все благословенно... Из этого можно увидеть, что Украина – большое, красивое, живописное, независимое государство. И люди, которые там живут, гор-

дятся своим украинским происхождением, чувствуют давние украинские традиции и законы.) Где это сейчас всё? Где? Осматриваешься, и кого можно увидеть? Злых, алчных людей, которые верят каждому слову, что выгодно для них. Где всё это чувство истории, традиций? Мы ведь, украинцы, вовсе не какой-то мелкий народ. У нас есть своя история. Своё происхождение. Свои подвиги. Так почему же сейчас история интерпретируется так, как выгодно свыше? В каком положении сейчас растёт поколение, дети? Эти невинные души смотрят на всю эту жестокость и... поддаются этому. А ведь мы все братья-славяне. Ведь большая часть истории связана. Разве могли русские добиться чего-то без помощи украинцев? Разве могли украинцы сделать что-то, если бы не были под поддержкой русских? Мы друг другу помогали, поддерживали, советовались, ссорились. И что? Теперешнее поколение смотрит и верит в новости, в которых каждый говорит, что хочет. А ведь любой проукраинский явно имеет за спиной друга из соседней страны. Что за дурдом творится?

Знаешь, когда я перечитывала этот рассказ свой, просто глаза на мокром месте были. Почему это происходит? Зачем? Для чего? Кому с этого выгода? Я не понимаю современности...

↔ История одиннадцатая.

Знаете, каково быть взрослым? Это когда ты не можешь высказывать свои мысли, показывать свои чувства, эмоции, боль... Ведь за что мы детей любим? За их искренние, чистые, невинные глаза, за прямоту. Ведь взрослые не могут посмотреть на кого-то большими глазами, в которых читается только доброта, и сказать: «Я хочу домой». Нет. Они будут сидеть до последнего. Скрывать свою боль за улыбкой. Скрывать свои эмоции за большим потоком бессвязной речи, не подходящей к теме. Они будут следить за репутацией, думая, что малейшее проявление эмоций убьёт их. Но их безэмоциональность... убивает ещё больше. Нет, не все такие. Но все без исключения лишены той детской невинности. Той прекрасной чистоты и взгляда ребёнка, когда всё кажется таким... радостным, добрым, светлым.

Ещё хуже, когда ребёнок лишён её. Из-за взрослых, что думают лишь о себе, и ребёнок, простое дитя, лишается той моральной невинности с детства и оказывается окутан цепями, что и не все взрослые могут перенести. Думаете, хуже быть не может? Хах, жестоко, наивно ошибаетесь! Хуже, когда ребёнку приходится самому тащить это бремя. Ведь после, будучи постоянно одинокими, пройдя то, к чему многие могут даже и не приблизиться... они просто не понимают их, и в результате остаются одни. А для ребёнка, а после – под-

ростка, это... очень жестоко.

Но думаете, им одиноко? Нет. Такие люди... Они могут даже родиться слабыми, но жизнь закаливает всех. Иногда, конечно, происходит момент, когда они ломаются. С треском. Как Надежда. Но это вовсе не потому что они слабые, а потому что слишком долго были сильными. И это просто чудо, если они могут продолжать верить, любить и доверять. Ведь даже если ты был один... когда-нибудь у тебя будет всё то, чего не было. Так предназначено судьбой.

Но есть и другой тип, где вроде всё нормально. Но с детства приучают к серьёзности, принятию решений. И как там может вырасти неуверенный ребёнок? Просто... когда не можешь выражать эмоции, когда говорят быть сильным, когда говорят закалять характер. И ты плачешь по ночам в подушку, скрывая слёзы. И кто знает, сколько твоих слёз впитала в себя игрушка или подушка? Когда плохо на душе, но ты должен быть сильным, не показывать эмоций...! Тогда-то и разучиваешься быть эмоциональным и слышишь в свою сторону: «Ледышка!». Но таких людей... их знают немногие. Они слишком неуверенны. Потому и ледяные. За маской этого холода скрывается неуверенный в себе человек, который просто живёт себе. Да...

Вот почему мы любим ярких, чистых детей и стараемся сохранить их невинный взгляд на мир. Вот почему мы стараемся увидеть во взрослом хоть каплю той чистоты. Вот почему мы прямо сейчас, среди этих тёмных дней, стараемся

сохранить свой невинный взгляд на мир. Хотя порою это тяжело.

↔ История двенадцатая.

Все мы любим город, в котором родились. Где выросли, где все наши детские мечты и желания спрятаны глубоко в недрах улиц. Все они проявляются, когда просто приезжаешь обратно. Мы говорим: «Хочу уехать отсюда». Но тоска по городу остаётся. Как тяжело живётся тем, кто оторван от своего дома из-за событий, из-за невозможности вернуться.

Я люблю город, в котором родилась. Ты знаешь. Я говорю «город гопников», хотя сама такая же. Говорю: «Надо уехать», но знаю, что буду скучать...

Сейчас ты сидишь и листаешь ленту новостей. Буквально вижу твоё выражение лица, когда ты читаешь их, статью за статьёй. Уверена, ты никогда даже не пыталась вникнуть. Ну, есть две страны, три, четыре. Ну и пусть будут. Думаю, ты никогда не задумывалась о том, что там происходит. До тех пор, пока не начала общаться со мной. Сейчас ты дольше меня просиживаешь за этой лентой. «Как ни открою браузер, так залипаю за новостями». Чувствую твоё волнение. «Уезжай», – буквально кричишь ты. Всё в тебе натянуто, как струна, когда ты читаешь что-то, офигеваешь. В тебе словно читается: «Почему? Неужели мир сошёл с ума настолько, что крышу не вернуть?» Но сейчас... мне уже не страшно. В конце концов, я не одна. А это что-то да значит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.